

Памяти Има

В. Л. Гинзбург

Не без колебаний я решился озаглавить эту заметку довольно необычным образом. Но дело в том, что, насколько помню, именно я в далекие времена нашей молодости начал называть Иммануила Лазаревича Имом. И это сокращение привилось, стало использоваться всеми, кажется, близкими Иму людьми.

Мы познакомились с Имом, вероятно, в 1936 или 1937 г. Именно тогда я, студент 4-го курса физфака МГУ, выбрал в качестве специальности оптику, и поэтому оказался в оптической лаборатории физфака (или НИИ Физики МГУ, находившегося при физфаке), руководимой Григорием Самуиловичем Ландсбергом. А Им, который старше меня на 5 лет и 8 месяцев, уже работал в оптической лаборатории, не помню уж, в какой должности. Как-то никаких заслуживающих упоминания воспоминаний, связанных с Имом, о довоенных годах, которые здесь уместно было бы упомянуть, у меня не сохранилось. Вообще, я никогда не отличался хорошей памятью, правда, за какими-то исключениями, например, помню, что лет шестьдесят назад видел

какую-то литературную ссылку (имею в виду ссылку на статью по физике). А сейчас, почти в 88, память еще больше ухудшилась, ничего не поделаешь. Так или иначе, и о годах эвакуации в Казани, где мы оказались вместе с Имом, помню довольно мало. Мы оба жили на Клыквке в бывшем общежитии Казанского университета, которое (целый дом) было отдано оказавшейся в эвакуации значительной части Академии наук СССР. Мои отец, тетя, жена и я занимали одну комнату площадью, вероятно, в 20–25 квадратных метров. Умещались четыре кровати (койки) и в середине стол. Зимой в нашей комнате было очень холодно, кажется, замерзала вода. У Има с семьей тоже была одна комната. Институты же Академии разместились в здании Казанского университета. Туда мы всегда добирались пешком из «дома», находившегося на окраине города. Путь был не очень длинным, но занимал, вероятно, около часа. Шли мы, обычно, целой компанией, разговаривая по дороге. Неприятно это признать, но я забыл, кто был в этой компании, но твердо знаю, что Им был с нами. Но как раз в данном случае это существенно. Дело в том, что на всю жизнь все мы запомнили такой эпизод. В конце какого-то спора я сказал: ну, увидим в будущем, а Им на это мрачноотреагировал, сказав «увидим или не увидим». И эта фраза стала в нашей компании какой-то самой расхожей на всю жизнь. Да, увидим или не увидим. Все мы хотим «увидеть», но нам часто это не дано, «уходят, уходят друзья, одни в никуда, а другие в князя». Впрочем, никто из моих друзей в князя не ушел. После смерти Има (2 августа 2004 г.) у меня остался лишь один близкий старый друг, да и он болен. Грустно... В моем возрасте уже и совсем нельзя рассчитывать на будущее и поэтому, кстати, я пишу эти заметки уже в августе 2004 г., хотя планируемый сборник воспоминаний об Име с приложением его работ, надеюсь, появится, но не ранее, чем через два года. Решил не переделывать предыдущую фразу, хотя она и не вполне точна. Я имею в виду не «сборник воспоминаний с приложением работ», а «сборник работ с приложением воспоминаний». Работы — вещь объективная, от Има остался ряд ценных исследований, это общественный итог его жизни. А часто издающиеся «воспоминания современников» — естественная дань памяти ушедших коллег и друзей, в подавляющем большинстве случаев односторонни. И это неизбежно в силу известного с древних времен принципа, согласно которому о недавно ушедших пишут «либо хорошее, либо ничего» (*de mortuis aut bene aut nihil*). Это, конечно, не обесценивает «воспоминания современников», но они, в какой-то мере, недостаточно объективны или односторонни, не знаю, как точнее выразиться. Зря, вероятно, я пустился в эти рассуждения, они отражают тот факт, что мне писать «воспоминания памяти» друзей и коллег почти всегда очень трудно. Как избежать фальши, сообщить только интересное? Самое эффективное решение — вообще не писать. Но не могу так поступить, когда речь идет о близком друге.

В 1951 г. мы отправились на Кавказ, в Теберду. Компания была такая: Им с сыном Юрой, Галя Мотулевич, моя жена Нина и я. Предполагалось, что поедет и Таня Величкина, у которой был тогда с Имом роман. Но Таня была аспиранткой в оптической лаборатории, и Г. С. Ландсберг (мы называли его Григсом), ее руководитель, помешал ее поездке, до сих пор не понимаю, почему он вмешивался в личную жизнь своих сотрудников. Нужно заметить, что Галя Мотулевич была то, что называется, инвалидом детства, у нее были плохие бедренные суставы, в силу чего она ходила с трудом. Но она была мужественной женщиной, водила машину, ездила на велосипеде и во всяких наших небольших походах вела себя так, чтобы не быть обузой. Мы жили в палатках, ходили в разные полагающиеся места (на озера, в Домбай и т. п.). Ничего интересного не помню, разве что Юра как-то повздорил с Имом и сказал: «Вот я тебе простужусь». И мы многие годы вспоминали этот эпизод. А теперь Юре уже 66. Более интересное случилось, когда нужно было перебираться в Сванетию и

затем в Новый Афон. Для этого нужно было пройти Клухорский перевал, что для молодых людей не составляет трудностей. Но Галя, конечно, сделать этого не могла, и нужно было «нанять лошадь», т. е. обратиться за помощью к местным проводникам, оказывающим соответствующую услугу. В этом отношении был дефицит. И вот Им договорился с одним проводником, но у нас появился конкурент, кстати, тоже оптик, знавший Гаю. Он заявил, что ему лошадь должна быть предоставлена в первую очередь, ибо он профессор. В итоге славный профессор со своей дамой отбыл, больше лошадей не было, и мы, казалось, застряли в так называемой Северной палатке перед перевалом. И тут случилось чудо — на это место прибыл пожилой, на наш тогдашний взгляд, сван с несколькими лошадьми, которых перегоняли в Сванетию. Он согласился посадить Гаю на одну из лошадей, а на другую положили наши рюкзаки и мы благополучно «перевалили» и достигли Южной палатки, где увидели нашего «профессора». Очень не хотелось оказаться с ним в компании, да и до сванской деревни оставалось всего несколько километров, но наступала ночь, и к тому же в это время имели место грабежи на дорогах. Но, когда мы высказали беспокойство в этой связи, наш проводник, вообще-то спокойный и корректный, совершенно преобразился: он начал материться и кричать: «если сван меня ограбит, то зачем мне тогда жить». И мы поняли, что грабежа можем не опасаться и пошли в Ажары. Прошло 53 года, но я хорошо помню, как в полной темноте шел за лошадью, а из-под ее копыт иногда сыпались искры, когда подкова ударялась о камень. Не буду уж подробнее описывать дальнейшее путешествие, замечу лишь, что понял, что действительно сван свана не ограбит. Во всех домах Ажар сваны угощали друг друга чаечей, и наш проводник сказал: погоню лошадей задами, а то их не доведу. А потом, когда ехали на грузовике к морю, пока не проехали длинную деревню, грузовик останавливался на каждом шагу под крики «Арам, заходи». Арамом звали шофера, а наш проводник именовался Давудом.

Через несколько лет мы с Ниной и Имом были уже в настоящих горах, и довольно бесславно прошли через перевал Бечо. Но уж не буду рассказывать об этом походе. Потом мы жили с Имом и его семьей (т. е. с Таней и сыном Витей) в одном доме — фиановском доме на улице Вавилова (бывшем Свалочном шоссе). Одно из воспоминаний — из окна моей квартиры был виден, так сказать, тыл строившегося тогда ФИАНа. А строили его заключенные, и я видел, как их водили, окруженных собаками. Как-то плохо укладывается в голове, что родившийся в это время Витя Фабелинский уже несколько лет как дедушка.

Одно время Им работал в каком-то другом Институте, но с конца 1943 г. он в ФИАНе и уже много лет наши комнаты (называть их кабинетами можно лишь с большой натяжкой) находятся на расстоянии в несколько шагов друг от друга. Да и живем мы все время в одном районе, так что жизнь проходила в постоянном контакте. Было и несколько друзей общих (Сема Беленький, Лева Левин, Боря Гейликман). Увы, их уже давно нет не свете.

Им всю жизнь занимался в основном рассеянием света. Я же, естественно, как вышедший из школы Мандельштама–Тамма, и бывший, хотя и чисто формально, аспирантом Ландсберга (фактически я сразу же после зачисления в аспирантуру в 1938 г. перешел на теоретическую физику, и Ландсберг мне не мешал это сделать), тоже интересовался проблемой рассеяния света, и сделал в этой области несколько работ. Так что было, что обсуждать с Имом и в чисто профессиональном плане. Но общая у нас только одна статья, посвященная, собственно, не самой физике, а ее истории и, конкретно, истории открытия комбинационного рассеяния света. Им подробно осветил эту историю в трех статьях, которые, вероятно, будут помещены в

сборнике, для которого пишу. Наша общая статья (Вестник РАН. 2003. № 3. С. 215) мало что добавляет к статьям Има.

Вклад Има в физику и, конкретно, в изучение рассеяния света, мне представляется очень важным. Не знаю, кто после классиков больше Има сделал в этом направлении. Ограничусь ссылкой на книгу Има «Молекулярное рассеяние света» и на настоящий сборник. Тем, кто знаком с проблемой, комментарии не нужны.

В последний раз я видел Има живым, когда он был еще дома в июле 2004 г., незадолго до того, как пришлось лечь в больницу. Он был слаб, но живо интересовался принесенными мной наконец-то опубликованными отрывками из дневников С. И. Вавилова. Мы ведь его знали, и в отличие от некоторых, всегда отдавали ему должное.

Как кончить эти заметки? Не знаю, Просто скажу, что мне очень грустно.

11 августа 2004 г.